

Протоиерей Андрей Ткачев

КАЮСЬ, ЧТО Я НЕ АНГЕЛ

Андрей Ткачев
Н. А. Домнина
Каюсь, что я не ангел

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53861337

Каюсь, что я не ангел: Фонд социокультурных проектов «Традиция»;

М.; 2029

ISBN 978-5-6041696-6-7

Аннотация

Новая книга отца Андрея Ткачева – это практическое указание по преодолению специфических соблазнов нашего времени, когда грех принимается за норму, а безгрешие – за странность и опасную болезнь, когда размывается традиционный образ жизни и идет война против нравственности. Как выжить православному христианину в этом мире, где он окружен агрессивной средой безбожия? Книга протоиерея Андрея Ткачева дарит надежду всем находящимся на грани уныния: есть инструменты духовной борьбы, которые весьма эффективны в этих условиях. Соблюдая определенные правила безопасности и совершая особенные, незаметные для мира подвиги, можно уберечь свою душу от ущерба и сохранить ее для Бога и вечности.

Содержание

Глава 1	6
Понять Антония Великого, живя в мегаполисе	7
Чем люди живы?	14
Время проходит	20
Что впереди?	24
Глава 2	29
Шекели, тугрики, фунты стерлингов	30
Боль внутри	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Ткачев, протоиерей

Каюсь, что я не ангел

© Андрей Ткачев, прот., 2019

© Фонд «Традиция», 2019

* * *

Протоиерей Андрей Ткачев

Глава 1

Поучение о наших временах по предсказанию монаха- пустынника Антония Великого

Понять Антония Великого, живя в мегаполисе

Современный мир, особенно мир большого города, отнюдь не представляется местом, созданным для духовного возрастания. Но, раз уж нам довелось жить здесь и сейчас, хорошо бы понимать окружающую нас действительность и то, как она на нас влияет.

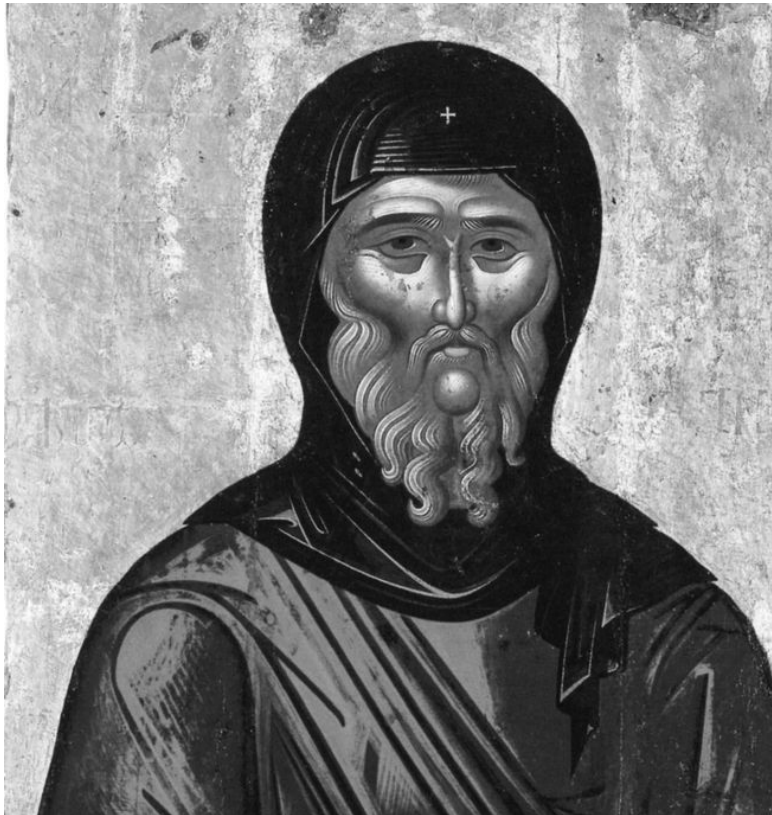
Сложностей у современных христиан немало. Например, общинности очень мешают дальние расстояния. Слишком далеко мы живем от церквей, много времени тратим на дорогу. В монастыре как? Колокол ударил – через три минуты я в храме (и так же было раньше в селах и городах). Потом опять бьет колокол – значит, служба закончилась, все вышли и тут же отправились в трапезную, где уже приготовлен обед. И тот, кто готовит еду, не бежит в храм на службу. Тот же, кто бежит в храм, идет в трапезную и ест приготовленное другими. Таков монастырский быт.

В мире этого нет. У нас каждое посещение богослужения – это паломничество. Наш путь к храму похож на прохожде-ние мытарств: из трамвая – на метро, из метро – на троллейбус, из троллейбуса пешком по снегу или слякоти – в храм. И тот же круг в обратном порядке: троллейбус, метро, трамвай, дом. Дома – к плите. Это же на самом деле подвиг.

В мире все подвижники. Мирянин выбегает со своей ра-

боты и едет, с трудом добираясь, в храм. Потом отстаивает богослужение. И тут бы выйти и лечь, а он должен опять ехать в душном транспорте, иногда в час пик, а по приезде домой что-то еще делать. Если это учитель – проверять тетрадки, если мать семейства – готовить еду... Человек постоянно находится в напряжении, неестественном для себя. Поэтому и общину приходскую трудно создать. Ведь община предполагает, что все живут рядом, а здесь все далеко, всех надо вызванивать, собирать. Общину собрать нелегко.

Конечно, затрудняет современную жизнь в Церкви и общая суета, и отсутствие базовых знаний, и в принципе антихристианский быт – антихристианский характер современной западной европейской культуры, частью которой мы являемся.

Преподобный Антоний Великий. Крит. XVI век

Ведь наша культура (западная, по сути) ставит перед людьми в качестве целей не достижение евангельского блаженства и близости с Господом, служение и угождение Ему, а совсем другие вещи: либо комфорт, либо успешную карье-

ру и обогащение, либо наслаждение, либо определенный набор впечатлений. Это все сказывается на духовной жизни. И верующий человек по привычке может, к примеру, паломничая – собирать впечатления, молясь – искать наслаждения, особого духовного восторга. Для чего многие сейчас живут? Для карьеры. В Церкви можно жить для карьеры? Можно. Можно постричься в монахи, чтобы стать епископом, – это не секрет. Живут для наслаждений? И молиться можно так, чтоб наслаждаться. Можно ходить на службу в тот храм, где поют так, что я искренне наслаждаюсь. И вот я уже, собственно, не очень-то молюсь, а больше прихожу наслаждаться эстетически – иконами, пением. А набор впечатлений? Бывают фотографические альбомы, где помещены фотографии путешествий: там мы увидим Мальдивы, Венецию, Египет с пирамидами или Ниагарский водопад. А бывают и другие альбомы, где собраны фотографии Оптиной пустыни, Троице-Сергиевой лавры и Дивеева, раки с мощами Серафима Саровского... Владелец второго альбома так много всего видел, так много изображений собрал, так долго об этом рассказывает! Закрадывается подозрение, что он лишь получает удовольствие от этих поездок: вот тут он молился, вот тут ходил, а здесь к такой-то иконе прикладывался, вериги такого-то святого на себя примерял... Но ведь само по себе это не должно быть целью...

Мир нас как бы запечатывает штампом, предписывает свои шаблоны. И потом, когда мы пытаемся жить духовной

жизнью, то неизбежно действуем внутри этого шаблона. И потому-то часто не понимаем, как можно было вообще жить по-другому! Как, например, преподобный Симеон жил на столпе? Или как молодая женщина, только что родившая первенца, могли бросить все и пойти на добровольное мученичество?

На нас лежит некая печать мира сего, и нужно прожить годы в Церкви, чтобы понять, что с нас всего лишь сошел некий «верхний слой». Мы только начинаем приближаться к тому, что есть Церковь по существу, а до сих пор двигались по контурам этой печати. Мы собирали удовольствия, искали старцев, стремились сделать карьеру. И вдруг поняли: не то это все. Это было полезно в свое время, но теперь нужно идти вглубь.

И тогда нам более понятен становится и Антоний Великий, и великомученик Георгий, и преподобный Серафим. А до этой черты, какого бы мы святого ни взяли, нам его жизнь не понятна, по существу. Мы их чтим, конечно, но – не понимаем. Если спросить любого из нас: «Ты что понял в его жизни? Ты чувствуешь себя на его месте?» – никто ничего не ответит, потому что мы совершенно другие. На нас лежит печать другого мира, другой цивилизации, в принципе антихристианской. Мы живем, если угодно, в Риме. Первый Рим был антихристианский, и в нем пострадали тысячи мучеников. Мы – жители третьего Рима, который в общем-то недалеко ушел от первого. И это накладывает на нас свой отпе-

чаток. Мы его носим на себе, поначалу не чувствуя этого, будучи вполне родными этому миру. И христианство – всего лишь некая капля в нас. Когда же мы начинаем чувствовать свою инородность этому миру, тогда можно сказать, что мы частично изжили его, освободились от него.

Для того чтобы не остановиться на стадии «духовного потребительства», нужно хранить первую любовь к Богу. Когда Христос впервые открывается человеку, Он дает ему большую «порцию» Своей любви. Но так, чтоб человек не умер от избытка благодати и вместе с тем получил знание подлинной радости, чтобы потом мог возвращаться к этому опыту, к этой первой любви. Будущее Церкви – это ее прошлое, и наше будущее во Христе – это то же, что было вначале, когда мы обратились. Кто обратился, тому это понятно.

Ведь что такое Евангелие? Это история встреч: Христа с Нафанаилом, с самарянкой, с Никодимом, с другими. Это постоянные встречи Христа с кем-то. А твоя Встреча состоялась? Если она состоялась, то наверняка опыт радости, о которой мы говорим, тебе знаком. И потом ты можешь возвращаться к ней, останавливая поток суеты, в котором находишься: «Подожди, стой! Тут у тебя деловые бумаги, стройка, деньги, путешествия, радиопередачи, какой-то сбор средств, книги... Ты вообще для кого это делаешь? Ты помнишь первую твою любовь?» В Апокалипсисе Иоанна Богослова звучат эти слова: «Знаю твои дела, и то, что в тебе хорошо... но имею против тебя то, что ты оставил первую лю-

БОВЬ ТВОЮ».

Когда ты узнал Божию любовь, ты удивлялся тому, что вдруг все люди стали для тебя святыми и все вокруг – хорошим. Вот и следует в дальнейшем возвращаться к этой первой любви.

Чем люди живы?

Авраам оказал Богу гостеприимство и в это же время, словно пользуясь правами хозяина, умолял Судию всей земли о милосердии к жителям Содома. Трогателен и несколько страшен этот разговор, где ведется как будто торговля, и ставка все понижается и понижается. «А если сорок, а если тридцать, а если двадцать...»

Авраам спрашивал, склоняясь все ниже, а Бог отвечал ему, и из этого разговора на все времена людям стоит уяснить несколько великих вещей. Во-первых, Богу небезразлично происходящее на земле, и Он готов вмешаться. Во-вторых, кто-то молится о мире, хотя миру до времени это и не интересно. Потом, когда чаша наполнится, а число праведников достигнет минимального предела, беды посыплются на всех подряд.

А до этого часа праведники не носят отличительных внешних знаков. Их никто не знает в этом качестве, и сами они вряд ли уверены в своем избранничестве. Но когда мера общих беззаконий переполнится, и миловать уже будет поздно, а карать необходимо, праведник будет спасен, «как бы из огня». И праведность его окажется не абсолютной. В безопасной обстановке, как в случае с Лотом, она окажется относительной, даже сомнительной, хотя внутри Содома Лот был выше всех (в нравственном отношении) на голову.

Бегство Лота из Содома. Рафаэль. XVI век

Если в городе нет праведников, то город долго не простоит. Если там один праведник, Бог найдет способ вывести этого одного, а с остальными поступить, как положено. Все это – не что иное, как нравственное обоснование продолжающегося бытия мира. Что-то мы знаем о мире и о законах его развития. Но это «что-то» по сути – ничего.

Мир являет нам накрашенное лицо постаревшей красавицы, уверенной в своей неотразимости. Но по истине, он открыт Богу с той изнанки, с той внутренней и нравственной стороны, с которой только Ему видно, долго ли ещё продолжаться привычному ходу событий, или секира уже положена

при корне дерева. Возникает вопрос о последних праведниках. Сколько их? Где они? Чьими молитвами всё еще стоит мир?

Среди «авраамических религий» эта тема – общая. У евреев и мусульман со времен авраамовых первенцев, то есть еврейских и арабских праотцев, хранится эта мысль о наличии в мире небольшого числа людей, чья праведность оправдывает продолжение его бытия. Эта мысль повторяется у Исайи в словах о священном остатке. Очень близка она и христианам, Новому Израилю, который тоже понимает, что есть разница между горстью золота и телегой навоза, и что молитвы одного человека, соответственно, могут выслушиваться Богом внимательнее, чем голоса тысяч других людей. Эта тема весьма разработана, и внимательный исследователь найдет немало интересного и в деталях, и в целом.

Заметим еще и то, что в мирской жизни один богач привычно пользуется благами, избыточными даже для многих сотен людей. Его чернильная ручка или запонки, портсигар или булавка для галстука могут стоить денег, сумма которых для многих покажется фантастической. Словно на вершину пирамиды залазит богатый человек, где в гордом одиночестве он видит одни макушки и плечи обслуживающего персонала. А в случае со святыми все наоборот. Пирамида переворачивается, и святой человек оказывается лежащим под всей тяжестью сооружения. На него давят все, сидящие сверху. Там, ни о чём не подозревая, усаживаются беспечные

«обычные люди», чье комфортное сидение оплачено невидимой для них мукой носильщика.

Богатые традиционно не задумываются о бедных. Но и грешники, независимо от зажиточности, традиционно не думают о святых и праведных, хотя их молитвами продолжают жить в мире. Пара деревень может год работать на барина, который съест с гостями эти труды всего за один бал или продует за один присест к карточному столу. Это не секрет.

Но несколько деревень могут жить молитвами одного праведника, которого все держат за дурачка. Целый «любимый город может спать спокойно», пока в нем раздаются чьи-то молитвы (скорее всего – самого незаметного человека). Вот эта-то обратная зависимость многих от немногих скрыта от повседневного мышления.

Так кем же мир стоит, и чем люди живы? Без какого праведника «нести граду стояния?» Этот вопрос твердила долгими годами нравственно-обеспокоенная русская литература: Гоголь, Лесков, Толстой и, вестимо, Достоевский.

Привычнее всего в поисках ответа обратить свой взор на священников и монахов. И это правильно. Для того они и живут на свете. Но горе, если они сами скажут: «Это мы и есть, иных не ищите». Такая обращенность взора на себя есть симптом уже совершившейся внутренней катастрофы. Нет, это мирянину свойственно искать света в иноках и священниках. Сам священник должен знать, что в иной многоэтажке на двенадцатом этаже, уложив детей спать, некая

мать молится горячее, проще и чище, чем иной из иноков в своей келье или иной батюшка у Престола. Есть страдальцы, хранящие веру и не ропщущие. Их молитвы, должно быть, сильны. «Воззовут, и услышит их Господь». Есть люди, честные в исполнении долга – воинского, врачебного, сыновнего. Может они и молятся не часто, но если попросят, то не получают отказа. Искать этих людей специально не надо. Подлинный праведник не имеет понятия о своей праведности, и смирение себя смирением не назовет. Но нужно мыслить в эту сторону. Ведь у нас действительно есть множество людей, которых слышит Господь, одних – за простоту, других – за жертвенную самоотдачу, третьих – за переносимые или перенесенные страдания.

Лесков искал праведников и между чудаками, и между священниками. Достоевский нашел их в Оптиной. Толстой тоже нашел, но сделал вид, что не нашёл и продолжил искать. Гоголь сгорел в поисках образа идеала. Хотя в Оптиной был. Но все они искали и находили эту неброскую праведность еще и в толще народа. Об этой обретенной красоте есть страницы и главы у Бунина, у Тургенева в «Записках охотника». «Матренин двор» Солженицына – тоже об этом. Русский народ – правдолюб. Он правды хочет. Причем не для себя одного, а для всех. Это желание за столетия поселилось и вышло в нем не от декларации прав человека и гражданина, а от Духа Святого через Таинство Крещения и великопостные молитвы. И это явный признак принадлежности нас к семе-

ни Авраамову, в котором мы по обетованию – наследники.

Велико чудо того, что смирение себя смиренным не признает. И мы праведников не замечаем, не ищем. А как начнем искать, то, чего доброго, Зосиму с Ферапонтом перепутаем (см. «Братья Карамазовы»). Зато лукавый враг праведников знает. Он не то чтобы видит, но чует их, как Баба Яга – русский дух. И не вступает с ними в явную борьбу, но оплетает их разными сетями – мелкими, а потом крупными, – чтобы повалить и задушить. Эта тайная борьба не прекращается за кулисами мировой театральной сцены, на которой пляшут политика, экономика и массовое искусство.

И Авраам, предстоя Богу, понижает счет: «Сорок? Тридцать? Двадцать? Пятнадцать?»

Время проходит

Время проходит. Ничего не поделаешь. Стоит даже радоваться. Пусть оно движется и не останавливается до самой встречи с вечностью. Пусть не возвращается вспять и не закупоривается, как вода в водостоке, чтобы потом хлынуть внезапным потоком. Пусть просто проходит.

Оно проходит мимо, как если бы ты сидел у окна, а оно шло, как красивая женщина, до которой тебе (спасибо старости) нет никакого дела. Или так: ты сидишь в приморском кафе за столиком среди безлюдья жаркого полдня, а оно проходит мимо, как кораблик на горизонте. Кораблик движется, и ветер обдувает твое лицо, и волны мерно ухают о берег, а время про-хо-дит.

Это если не «мимо», а если рядом и на встречном курсе? То есть, как если бы ты стоял близко к железнодорожному полотну, а время появлялось точкой поезда на горизонте, там, где параллельные рельсы сходятся, как в геометрии Лобачевского. Оно быстро несло бы в твою сторону, угрожающе вырастая в размерах и стуча колесами, а потом ж-ж-жих! – и прогрохотало бы мимо, раскачав под ногами землю, взъерошив на голове волосы, оглушив.

Кроме «мимо тебя» и «рядом с тобой» есть еще «через тебя». Это как пуля – сквозь мягкую плоть; как уличный свет – сквозь прикрытые жалюзи; как игла – сквозь ткань или как ветер – сквозь пальцы.

Время, дующее в лицо, делает человека парусом. (Интересно, куда плывет это судно, и кто его капитан?) Если ты крепок фактурой, то время ударит тебя в грудь, а ты окажешь сопротивление. И оно прогнет и надует тебя, наполнит тебя собой. Руками и ногами ты вцепишься в верх и низ мачты, и, благодаря твоей неподатливости, корабль двинется с места. Время будет трепать тебя и играть. Оно не раз ослабит нажим, и ты расслабишь на время затекшие пальцы. А

потом оно опять упрется в тебя, и со временем ткань, какой бы крепкой она ни была, начнет растрепываться, рваться и расходиться на полосы, пропускать ветер сквозь себя. Ты не удержишь времени в себе, и оно потечет дальше.

То мимо, то рядом, но при этом постоянно и сквозь человека проходит время. Как поезд, как корабль, как пуля, как ветер.

Я живу во времени и, если могу говорить о нем, то только потому, что я не весь во времени. Что-то должно быть во мне и от вечности, чтобы время ощущалось мною. Иначе эти слова – попытка посмотреть в затылок своему отражению в зеркале. И по этой же причине наличия вечности в человеке, тяжелые доспехи цивилизации зарастают плющом поэтических ассоциаций, как давным-давно брошенные в джунглях города.

Эти металлические, эти тяжелые вещи – поезд, корабль, пуля – эта концентрация ума и гордости человеческой, вещи, придуманные и созданные как всякое отрицание поэзии и как триумф практицизма, в конце концов тоже сдались поэзии и поддались мысленному облагораживанию. Они тоже стали символами хрупкости, текучести, незащитности.

Железо сильнее плоти, а время сильнее железа. Но вечность сильнее времени, а человек будет-таки жить вечно.

Человек сделал мир железным, когда совсем потерялся и заблудился вдали от дома Отца. Он ощутил себя маленьким и никому не нужным. В это же самое время он сжал в руке

пистолет, потому что почувствовал: весь мир с ним воюет. Но все это временно и хрупко. И даже стук тяжелых колес, и дым из трубы, и свист на полустанке в конце концов уместаются в слово «поэзия» и дают человеку ощущение странничества.

Кронос пожирает детей. Только такой метафорой время, несущее распад, изображалось античностью. Это было тогда, когда воздух из опустевшего Христова гроба еще не смешался с воздухом остального мира. Сейчас по-иному. Всегда есть место элегии, но уже не должно быть места отчаянию.

Время проходит, пролетает, проносится, и его не нужно ловить. Пусть движется и старит человеческую кожу, крошит металл и измельчает скалы. И пусть не только движется, как нечто холодное и пустое, но идет к цели, как идет в бухту корабль на море и к станции – поезд по рельсам. Раз во времени все еще живет человек, пусть оно движется, наполняясь положительным смыслом. Оно будет течь и течь, сколько Бог прикажет, а затем кончится, и наступит пора поставить точку в конце пути. Ту самую точку, которая вполне конкретна, но которой геометрия не дает определения.

Что впереди?

Есть эпохи, устремленные вдаль, словно стрела, выпущенная из лука. Мы не боимся преград. Если мы умрем, то другие пойдут дальше. Мы смело идем вперед, ибо там, впереди, – счастье. Не столько даже счастье, сколько цель. Цель важнее. Цель и есть счастье. По Гегелю. Достигни цели и обомлеешь. Так жили внутри общеевропейской мифологемы многие поколения. Французы, американцы, немцы, мы (естественно). Все смотрели вдаль и ничего кроме счастья от дали не ожидали.

Гляньте теперь на скульптуру Мухиной у ВДНХ. Чистое воплощение смелого и бескомпромиссного движения вперед. Вперед, ибо там, впереди – цель. Отсюда этот мускулистый и тяжелый широкий шаг, как в атлетике; и это орудие труда, словно оружие, выброшенное по диагонали вверх. Смейтесь не смейтесь, а это знак целой эпохи, сделанный гениально. Это не примитив и не глупость, но характерный шедевр. Кто хочет плевать в советское прошлое, пусть так же смело плюет во всю Европу с 18-го столетия, как минимум, и доньше. Это именно Европа сблудила с идеей о земном счастье, зачала миф об абсолютно справедливом обществе и родила затем все новейшие войны и революции. Вплоть до сексуальных, гендерных и прочих. Так что любитель плевать в СССР пусть плюет во всю европейскую и американскую

историю. Болезни ведь общие. Рывок к счастью, вперед – это художественно выраженное мировоззрение масс. Это Гоголь с его «птицей-тройкой», это Блок с его летящей «степной кобылицей». Эпоха мчалась. Оптимистически мчалась, уверенная, что впереди только счастье, одно лишь счастье и ничего кроме счастья. А задолго до этого весь европейский воздух был пропитан криками «На штурм!», «Марш, марш вперед!» и так далее. Здесь есть место и Марсельезе, и немецкому национальному возрождению, и американской мечте. Все рвались, как танки Гудериана – в Москву, вперед, опьяненные слепой верой в будущее неперемненное (!) счастье.

Когда на земле с прочным счастьем не шибко заладилось, а вектор стремления к будущему счастью сберегся, то энергический бред перенесся в космос. Космические одиссеи Лукаса, наши «Москва – Кассиопея» и прочие подобные фильмы – это грезы одной и той же цивилизации, которая не нашла счастья на земле и перенесла свои болячки в надзвездное пространство. Но быстро стало ясно, что человек уносит все того же себя хоть на Альфа-Центавра, хоть в иную галактику. А раз себя, то и грех свой, и порочность свою. Космические киноистории ничем, кроме земных дрызг, разве что на орбите, не являлись. На кораблях, бороздящих космический холод, нечего было изображать, кроме тех же похотей, споров, страстей, что и на земле – в любом офисе или квартире. Бунт матросни на деревянном галеоне при Колумбе никак не отличался от бунта на космическом корабле бу-

дущего. Человек оказался замкнут (даже в фантазиях) внутри своего собственного мира, а будущее скисло со всеми яркими обещаниями. Скисло мифологическое будущее, понимаете?!

Теперь о космосе никто не мечтает. Космос коммерциализован. Плюс – милитаризирован. Романтиков просят на выход. А на земле подавно есть смутные сомнения о возможности построить унифицированный рай для всех наций и рас. Нации не хотят смешиваться, и расы размываться не хотят. Будущее больше не вдохновляет. На этой мысли и остановимся.

Будущее не вдохновляет. Оно не зовет и не манит. Оно пугает. Весь наивный лепет прошедших столетий о том, что впереди всякое торжество и триумфы, отлетел внезапно. Впереди лишь новое переселение народов, локальные (не дай Бог!) ядерные конфликты, войны за чистую воду, а не за нефть, дробление монолитных ныне государств, повсеместный терроризм, распад семьи с вытекающими последствиями, волны самоубийств и прочее, прочее. Будущее стало страшным почти в одночасье. И это потому, что человек внутри себя расщепился и раскололся. А болтуны о неминуемом счастье стали вдруг гадкими в глазах даже тех, кто верил им еще вчера. Прошу заметить этот серьезный маркер ближайшей истории: будущее уже не манит. Оно пугает. Такого не было в Европе и Америке никогда, со времен последнего массового ожидания конца света.

Что такое обычный человек гуманистической эпохи? В чем его идеи? Очень просто: «Впереди у всех счастье. Прошлое для меня темно во всех смыслах. Оно глупо, и жестоко, и непонятно. Да я его и не знаю толком. Ныне же я борюсь за будущее». Вот так. Позади темно, сегодня – борьба, а завтра – счастье. А что такое сознание современного человека, сидящего на обломках гуманистической эпохи? Вот что: «Впереди у меня неопределенный кошмар, ныне я в растерянности, а то, что было вчера, я уже успел забыть». Жуткое состояние. Состояние человека, которому в безлунную ночь нужно войти в подворотню в незнакомом городе, при том, что там, в подворотне (по звукам) кто-есть, а ни фонаря, ни спичек, ни пистолета у человека нет. Таково будущее человечества в момент агонии европейского гуманизма.

И подобно ему состояние души отдельно взятого грешника. Ведь что такое его, грешника, жизнь? «Прошлое – это стыд, будущее – это страх, а сегодняшнее – это мелкое повседневное мучение». Такова формула. За спиной – стыд, перед носом – тьма и пугающая неизвестность, а ныне – тошнота. Почти по Сартру. А ведь как нужно? Как хорошо бы? Как должно было бы быть? «Прошлое я забыл и с ним распрощался (это о греховном личном прошлом); ныне я тружусь для Бога, а на будущее надеюсь. Будущее у меня светлое. Там – Христос во славе». Найдите себя в двух очерченных вариантах или обозначьте свой третий. Но систему координат все равно нужно выстраивать. Прошлая вера, унасле-

дованная от утопистов и энциклопедистов, да еще гегельянцев, – вера в неизбежное счастье – буквально на наших глазах умерла и засмерделась. Будущее перестало манить и стало пугать. Всех сразу перестало манить и всех стало пугать. В будущем теперь предстоит рассмотреть не очертания «Города-Солнце» и не всеобщего (на американский манер) торжества демократии, а Христа, Грядущего на Суд, посреди полной вакханалии греха и безумия. К этому Суду Христа предстоит приготовиться. В этом и состоят великие уроки сегодняшних теле- и радио новостей, сочащихся кровью терактов и удивляющих тупостью и цинизмом повсюду в «благополучном мире» проигрывающих элит. Многовековые фантазии Европы кончаются в муках. И пусть будущее пугает неверующих. Верующим сказано возрадоваться, когда они услышат о бранях военных и о восстании народов и царств друг на друга. Тогда, сказано, приближается избавление ваше. Распрямитесь и не бойтесь.

Во Христе и только во Христе, в Его Личности и Его словах нужно искать выхода из нынешних очевидных лабиринтов. Мир уже никогда не будет таким, каким он был раньше. Свобода превращается в тоталитаризм. Равенство давно стало избирательным. Братство стало таким, как у Каина и Авеля. Изолгавшиеся запутались. Рывшие ямы для других, сами в них попадали. То ли еще будет? А каким он будет, мир, и будет ли вообще. Есть ли у него будущее, это зависит от нашего с вами ко Христу отношения.

Глава 2

Новые искушения современного времени

Шекели, тугрики, фунты стерлингов

*Корень всех зол есть сребролюбие.
Апостол Павел*

*Милостыня есть царица добродетелей.
Святитель Иоанн Златоуст*

– Как же я люблю деньги, – говорил святой Косма Этолийский, проповедуя грекам в селах и городах покоренной турками бывшей Византии. – Ах, как я люблю высыпать монеты из кошелька и их пересчитывать. И как мило для сердца они звенят, когда засыпаешь их обратно! Как греют душу, когда положишь их за пазуху!

Люди слушали, поднимая брови и вытаращивая глаза. Те, что поглупее, думали: «Надо же! И у святого то же, что у меня!» Те, что поумнее, думали: «Как же он глубоко мне в душу глянул! А рассказал все про меня так, словно бы про себя. Хитрец, однако. Святой хитрец».

Признаваться в сребролюбии неприятно. Да никто особо и не признается. Есть мысленная ловушка: любишь деньги, значит жадный. А не жадный, так, значит, добрый. Но я же добрый! Это все знают. Значит, сребролюбие – не про меня!

Какое топорное лукавство. Доброта и сребролюбие – это «синее» и «кислое». Это – с разных полей ягоды.

Сребролюбие обитает в сердце. Оно там живет внутри и

наружу выбрасывает усики всякие, щупальца. По щупальцам его присутствие и узнается. Вот я вижу чужую яхту (автомобиль, etc.¹). Вид чужой дорогой вещи вызывает во мне грустное чувство и философские вопросы. «Это же сколько надо работать или красть, чтобы такое купить?» Или: «Зачем ему (ей/им) такие дорогие вещи? Это же заботы, лишняя трата, суета. Можно было бы столько добра на эти деньги сделать».

Прошу внимания! Философская грусть при виде чужого богатства – это явный признак живущего конкретно во мне сребролюбия. Того самого, из-за которого Иуда Господа продал! Иуда тоже философствовал по поводу пролитого мира: «Зачем такие траты? Можно продать было и раздать нищим». А ведь не о нищих тревожился. Вор был.

Как видим, сребролюбие владеет мастерством макияжа, переодевания и прочей маскировки. Кроме ложной тревоги на тему «что бы можно было купить для бедных за чужие деньги» оно, сребролюбие, может изображать из себя борца за справедливость. Корыстный человек с претензиями будет активно расследовать чужие грешки, настырно совать нос всюду, шуметь на весь мир о попорченной справедливости и потрясать в воздухе собранными материалами. Но «ларчик просто открывался». Как правило, ему уже заплатили за активность некие бенефициары поднятого шума. Или он ждет, что заплатят те, под кого он копает. Или там еще что-то, но не без денег. Правдолюбцы информационной эпохи очень

¹ Et cetera (лат.) и так далее.

любят денежные переводы из неафишируемых источников.

Так. Две маски повертели в руках. Тревога о бедных и праведный гнев на власть имущих. Что там еще? Там еще «бережливость». Почему бы скряжничеству не притвориться экономностью? Плюшкин плесневелый пряник ножиком скоблил и гостю предлагал. Если гость отказывался, он затверделое угощение не выбрасывал, а для других гостей оставлял. Эту патологию охотно можно заgrimировать в «экономность». Захламить дом ненужными вещами. Отказывать себе в необходимом и в чулок по ночам что-то совать. Это грешно. Если копейка вправду рубль бережет, то это не повод, чтоб за копейку удавиться.

Человек попроще скажет: «Всех денег не заработаешь». А несытая душа будет надрываться до наступления катастрофы. Один таксист, например, чувствует, что глаза слипаются, закрывает маршрут и едет отдыхать. Потому что здоровье дороже, а всех денег не заработаешь. А другой спит сутками в машине, из-за баранки только в туалет выходит. Даже ест за рулем. И счет на карточке вроде растет. Но лишь до тех пор, пока он не разобьет свою машину и (или) еще чью-то. Тогда карточка опустеет, а он еще должен останется.

Еще можно вспомнить тех людей, у которых на личных счетах сгорели тысячи накопленных рублей при крахе советской системы и перемене валюты. Их не только система жестоко обманула. Их еще более жестоко обманула мысль «скопить денег на черный день». «Черный день» оказался

днем, когда сами «деньжата» сгорели.

Я лично знал одного чудака, жившего с семьей в жуткой лачуге. Дядя Том бы его хижине не позавидовал. А на книжке у него втайне от жены лежали деньги на две с лишним кооперативные квартиры. Был патологически работающим и столь же патологически жадным. Потерю денег не пережил. Помер. Когда жена, уже после его смерти, нашла бесполезную книжку и увидела нули после цифр, туда – за гроб к мужу – из ветхой лачуги полетели проклятия.

Но тот бедолага не один такой. Кто не знает это чувство – банковские билеты в кармане, и на душе спокойно, как у Бога за пазухой. В кармане пусто, и на душе тревога. Мысли всякие. «Что будем есть и пить? Во что оденемся?» Паника.

Очевидно, Господь от нас не отлучается, но надеемся мы не на Него, а на наличие купюр. Очень стыдно в этом признаться. И ведь в Бога-то мы верим. Но как-то хочется пере-

вести эту фразу на английский – In God we trust². Потом записать ее на доллары, а уже потом, имея доллары в кармане, носить с собой повсюду свою надежду.

Не по сущности, но по человеческому к ним отношению, деньги, действительно, соперничают с Богом. Им (деньгам) приписывают всемогущество. На них полагают надежду. Верят, что **они** не подведут. **Они**, а не Он. Их продавцы целуют на базаре после первой удачной продажи. Их шелест волнует кровь круче, чем любовный шепот. Это уже какое-то поклонение и служение. Иначе не назовешь. И это поклонение, несомненно, мешает поклоняться Богу в Духе и истине.

Так что же делать? В самый раз озаботить совесть и Небо таким вопросом. С этим же вопросом обращались ко Христу многие. Некоторым, зная их душу, Господь говорил: раздай все и следуй за Мной. Это некоторым. Всем такое нельзя говорить. Повеление превышает силы среднего человека. А вот фарисеям, *которые были сребролюбивы*, Христос велел давать милостыню из того, что у них есть. Тогда, говорил, *«все будет у вас чисто»*. То есть не только внешняя жизнь очистится, но и внутренняя просветлеет.

Надо делиться, жертвовать и помогать. Даже малые копейки, вложенные в руки бедных при входе в храм, делают молитву доходнее к Богу и дерзновеннее.

В современной жизни по деньгам и отношению к ним

² «Мы верим в Бога» – фраза печатается на оборотной стороне долларовых банкнот.

можно многое узнать. Последнюю рубашку, например, отдать легче, чем отдать последние деньги.

И мы ничего толком не знаем о себе. Питая некие иллюзии о своей относительной нравственной чистоте, человек может быть вполне поработан господствующим духом падшего мира. Имя этому духу – сребролюбие. Вся деятельность человека, не только откровенно греховная – как воровство – но и внешне позитивная, как беспримерное трудолюбие или борьба за справедливость, могут быть этим духом тайно питаемы и продвигаемы.

А между тем спасти душу надо. Ничто оскверненное в Небесный Иерусалим воротами не войдет. Вот я и говорю: «Господи, помилуй!»

Боль внутри

Молодой человек сыт и здоров, но ему мучительно грустно. Молодой человек хорошо одет и неплохо образован, но в глазах его столько боли, что смотреть страшно.

Что это такое? Что за новые беды? Это значит «беситься от жира» или это нечто иное?

Это, именно, нечто иное, доказывающее, что сытость, помноженная на здоровую и мирную жизнь, вовсе не дает в результате счастье.

Счастье не равно сытости, а иногда даже ей противоположно.

И это не апология голода. Это просто еще один из парадоксальных фактов.

Тотальный мировоззренческий материализм отказывается в это верить, но жизнь смело залазит в окно, если ее вытолкали в двери.

Сытые и здоровые повсеместно грустны и несчастны. Поэтому что ни разу не крикнули в отчаянии: «Где, Ты, Господи?»

Потому что ничьи слезы не вытирают. Потому что никому делу себя не посвятили, и никак не могут найти или выбрать это самое дело. Потому что жизнь, в конечном итоге, кажется им бессмысленной и вряд ли стоящей того, чтобы ее прожить.

«Настоящие проблемы у человека начнутся тогда, когда у него будет гарантированный хлеб на каждый день», – примерно так говорил незабвенный Федор Михайлович и был, как обычно, пронзительно прав.

Нельзя пренебрегать душой. Нельзя все тревоги о человеке сводить только к человеческой плоти.

Душа может обидеться. Замолчит, забьется в угол, сделает на время вид, что ее нету. А потом возьмет и отомстит. И отомстит жестоко.

Она болеть начнет.

Кто знает боль души, тот согласится: человек согласен отрезать себе палец или выколоть глаз, лишь бы душевная боль утихла. Да она еще и не утихнет, как на зло. Просто будешь без глаза или без пальца, но с той же болью в душе.

Страх высоты, страх морской или речной глубины, страх перед колесами поезда отступает назад, когда болит душа. И вот, замученные душевной болью люди, летят с крыш, уходят на морское дно и ложатся на рельсы, практически доказывая, что невидимое способно болеть сильнее видимого.

Но нам все равно невдомек. Словно по пояс деревянные, мы пытаемся лечить душу исключительно таблетками, или массажем, или электрошоком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.